

А. Третьяк

Письмо Александра I герцогу Ришелье накануне войны 1812 года

В обширной военно-исторической литературе, касающейся начала войны Наполеона против России в 1812 г., вплоть до настоящего времени преобладает достаточно спорное мнение относительно инициативы плана отступления русских армий вглубь страны с целью изматывания превосходящего противника. Как правило, данный план связывают с именами военного министра империи Барклая де Толли и его преемника на посту главнокомандующего М. И. Кутузова. Насколько справедливы подобные взгляды — здесь не место судить. Но все же отметим, что, как и любая поверхностная персонификация крупнейших исторических событий, получить объективную картину при подобном упрощенном подходе представляется делом затруднительным, если не совершенно бесперспективным. Это особенно наглядно, когда явственно просматриваются субъективные попытки скрывать просчеты одних групп лиц за счет других, либо, что кажется наиболее наивным, предоставлять задним числом всю полноту принятия определяющих военно-политических решений людям, не имевшим в условия своего времени для этого ни должных полномочий, ни соответствующих возможностей.

В частности, иллюстрацией к указанной формуле может служить существовавший в отечественной литературе взгляд, безраздельно господствовавший в советский период, на некую пассивность и чуть ли не трусливость Александра I накануне и в первый период вторжения наполеоновских войск в Россию. Причем, что характерно для любых крайностей, подобное мнение нередко разделялось и в так называемой бонапартистской литературе зарубежья, во всяком случае, в той ее части, которая воспевае осанну отнюдь не лучшему представителю рода человеческого. Насколько

это выглядит некорректным, могут служить исследования, в которых, например, присутствие императора под Аустерлицем сделалось едва ли не главной причиной бездарно проигранного сражения, где главнокомандующим армией союзников являлся М. И. Кутузов, тогда как отсутствие Александра в действующей армии в 1812 г. — поводом для обвинений царя в растерянности и трусости. Вряд ли подобные упреки справедливы относительно государственного лидера, столь очевидно переигравшего Наполеона в сложнейшей политической борьбе, на годы определив тем самым исторические судьбы Европы. Впрочем, последний факт, всесторонне рассмотренный в серьезной исторической литературе еще конца XIX ст.¹, вовсе не нуждается в каких-либо дополнительных доказательствах.

Между тем при всем обилии документов и материалов политического и дипломатического характера, относящихся к событиям кануна вторжения Наполеона в Россию, часто именуемого «роковой ошибкой» императора Франции, собственно позиция русского императора освещена быстрее косвенными данными, чем непосредственными. В этом отношении приобретают важность любые достоверные документы Александра I, написанные, а не интерпретированные, так сказать «*post factum*» в различных воспоминаниях, собственно в сам период подготовки Российской империи к войне. Поэтому приводимая ниже записка Александра I герцогу Ришелье, датированная 9 апреля 1812 г., представляется весьма важным свидетельством того, что уже за три месяца до вторжения Наполеона русский царь принял окончательное стратегическое решение относительно тактики заманивания французских войск вглубь страны, столь напоминающей аналогичную тактику

скифских племен против персидского царя Дария.

Отметим также, что эта записка хотя и имеет, казалось бы, сугубо личный характер, проливает свет на целый ряд объективных фактов военно-политического свойства. Во-первых, все те многостраничные литературные рассуждения о растерянности Александра после получения известия о переходе французских войск через Неман и, как следствие этого, передаче в руки военных всей полноты принятия решений о судьбах страны выглядят по меньшей мере

уже в самом факте написания письма за несколько месяцев до начала войны откровенно наивными и нелепыми. Во-вторых, суть письма опровергает утверждения ура-патриотов о том, что накануне войны император перестал доверять всем французам, находившимся у него на службе, так как участие герцога Ришелье в секретных совещаниях, на которых разрабатывалась стратегия и тактика предстоящей войны, находит свое новое подтверждение. Кстати, последнее доказывается и тем, что, помимо герцога, на своих должностях оставались все

Александр I

те французы, начиная от морского министра маркиза де Траверсе и генерала Ланжерона, и вплоть до старшего брата Леона Рошешуара, Луиса, выполнявшего секретную миссию в Константинополе накануне заключения исторического Бухарестского мира 1812 г. с Турцией, которые, подчеркнем, противостояли отнюдь не Франции, а кровавому диктатору Европы. И, наконец, находит свое подтверждение, что план ведения будущей оборонительной войны

разрабатывался значительно шире, с учетом существенно более неблагоприятных для России условий, чем это произошло в реальности.

Собственноручный оригинал рассматриваемого документа русского императора хранился в личном архиве генерала Рошешуара, являвшегося, в свою очередь, на момент его написания одновременно адъютантом и герцога Ришелье, и императора Александра I. Исходя из интимных подробностей касательно

личной жизни Александра, письмо было опубликовано по истечению довольно длительного времени и лишь после смерти графа Рошешуара в его мемуарах, изданных в Париже в конце XIX в.² Как никто лучше других знавший все обстоятельства написания указанного документа, Леон Рошешуар³, будучи достаточно информированным о характере принятия высших политических решений при русском дворе, вполне аргументированно утверждал, что план предстоящей войны с Наполеоном император принял именно в указанное в письме время.

Зимой и весной 1812 г. Александр особенно часто стал вызывать своего личного друга герцога Ришелье из Одессы в Петербург для консультаций по поводу приготовлений к неизбежной войне, т. е. собственно тогда, когда сомнения могли вызывать только сроки нападения Наполеона, но не сама возможность такового. Причем здесь не лишним было бы напомнить о том единодушном суждении практически всех политических деятелей того времени, входивших в тот или иной момент в окружение царя, утверждавших, что Александр мог с готовностью выслушать любые дельные советы, рассматривать самые разнообразные проекты и предложения, но окончательные решения всегда принимал исключительно сам. «Молодые друзья» Александра в начале его царствования нередко называли эту черту характера императора упрямством, но здесь, кажется, было бы уместнее употребление термина самостоятельность и ответственность за решения, касающиеся судеб сотен тысяч людей. Другой вопрос, насколько они были верны и оправданы с исторической точки зрения.

После одного из таких совещаний в Царском селе, в самом начале апреля 1812 г., уже в пути, когда герцог вместе с Рошешуаром возвращались в Одессу, их догнал через два дня после отъезда фельдгегерь с письмом следующего содержания:

«J'ai espéré, général, avoir un moment pour vous dire un mot sur celle qui est depuis douze ans ma compagne et sur mon enfant. Ils vont de nouveau se mettre sous votre protection; mais, cette fois-ci, il en faudra une d'une autre nature, c'est de les diriger, si ce qu'é Dieu ne plaise, quelque catastrophe nous fasse rétrograder assez pour mettre vos provinces en danger; acheminez-les alors dans l'intérieur, comme à Pensa ou Saratoff; enfin, servez-leur de guide par vos conseils et direction. J'attends ce service

de votre amitié pour moi et pour elle; je n'ai pas besoin de vous dire à quel point ces deux êtres me sont chers.

Adieu, mon cher général, amitié la plus vraie vous est vouée pour toujours.

Zarcoselo, le 9 avril 1812»⁴.

(перевод)

«Я надеялся, генерал, выбрать момент, чтобы сказать вам несколько слов о той, которая уже двенадцать лет является моей спутницей, и о моем ребенке. Они вновь пожелали стать под вашу защиту; но на сей раз это носит несколько другой характер, а именно, направлять их, если, не приведи Господь, одна катастрофа заставит нас отступить настолько, что поставит ваши губернии в опасное положение; переправьте их в этом случае во внутренние территории, такие как Пенза или Саратов; и, наконец, будьте им поводырем вашими советами и наставлениями. Я ожидаю этой услуги во имя вашей ко мне дружбы, и ради нее. Мне нет нужды говорить вам, насколько эти два существа дороги мне.

Прощайте, мой дорогой генерал, самое искреннее дружеское расположение к вам, которое будет длиться всегда.

Царское село, 9 апреля 1812».

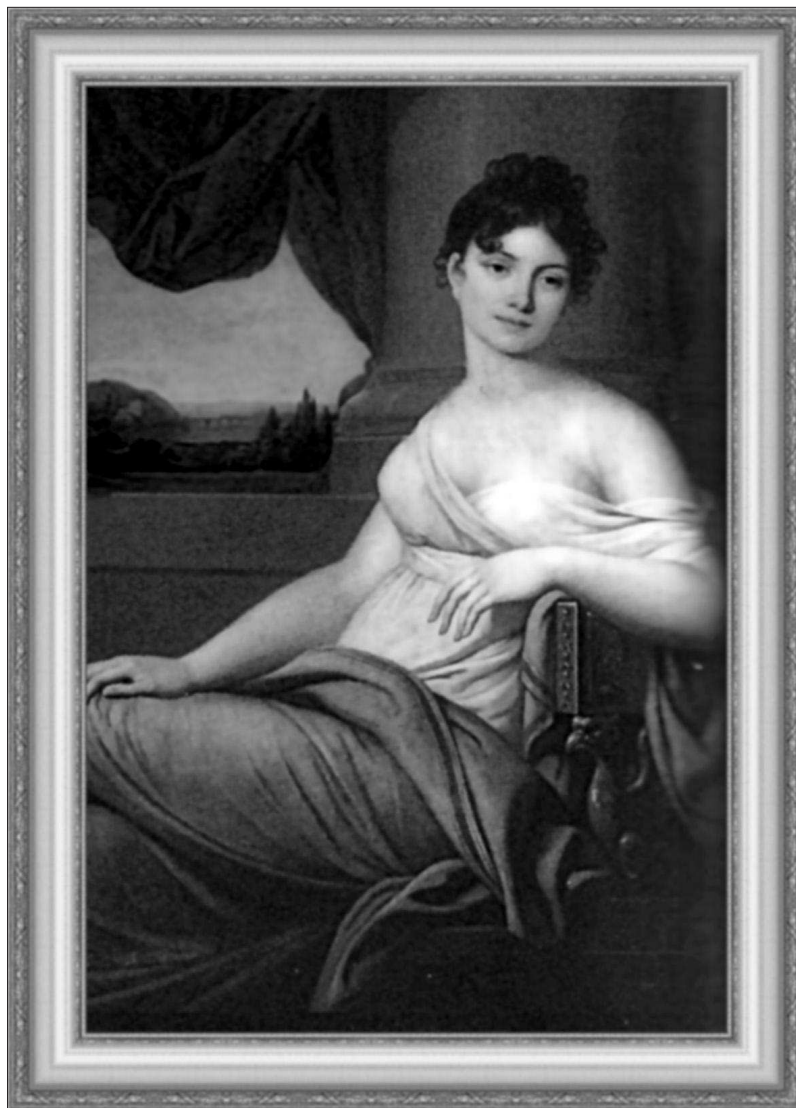
Для ясности следует сразу же отметить, что в приведенной записке речь идет о любовнице Александра I Марии Антоновне Нарышкиной, урожденной княгине Четвертинской, и о появившемся от этой связи ребенке, Софии Дмитриевне Нарышкиной, единственной дочери императора Александра. В мае указанного года они намеревались повторить свое многомесячное путешествие в Одессу и Крым, осуществленное ими летом и осенью 1811 г.⁵ Видимо, деликатность вопроса и срочность принятия безотлагательных мер для решения широкого круга проблем, связанных с важнейшими переговорами о мире с Турцией и соответствующей подготовкой к войне с Наполеоном, помешали Александру обговорить подробности с главой Новороссийских губерний о возможной эвакуации «двух дорогих ему существ». Но обращает на себя внимание то, что царь пишет Ришелье о плане отступления русских войск как о вопросе, который уже решен в его практической плоскости, а герцог, естественно, должен был понять из нескольких скупых строк, о чем идет речь. Следовательно, на том совещании, на котором присутствовал Ришелье, данный план обсуждался и был принят, и если не окончательно, то, по крайней мере, за основу. Отсю-

да же следует, что общая стратегия военных действий против Наполеона была утверждена собственно Александром I, причем не позднее начала апреля 1812 г., т. е. почти за три месяца до начала войны.

Между тем в письме есть также несколько любопытных подробностей, относящихся к личной жизни Александра Павловича. Поэтому хотя бы кратко скажем о фигурантах текста изложенной выше записки и почему в столь напряженный момент император, невзирая на предполагаемую опасность, о которой он сам писал герцогу Ришелье, вынужден был в действительности рассматривать саму возможность их поездки в Одессу.

Одна из самых красивых и обаятельных женщин своей эпохи Мария Антоновна Нарышкина,

о которой известный поклонник женской красоты Михаил Илларионович Кутузов говаривал: «женщинам все простить можно за то только, что среди них есть такая обворожительная, как Марь-Антонна», обладала огромным влиянием на императора. Это влияние, впрочем, совершенно безуспешно, пытались использовать в своих целях и различные политические силы при дворе, и интриганы всевозможных мастей. Однако Нарышкина всегда была чужда каким-либо честолюбивым политическим расчетам и, добавим, вовсе не была склонна к тем слабостям женщин ее положения, которые лаконично можно обозначить как прихоти или капризы фаворитки. Рождение дочери от императора, Софии, в 1804 г. сделало ее положение настолько независимым в высших кругах общества, что

М. А. Нарышкина

урожденной княжне вовсе не надо было играть чуждую ей роль «великосветской богини», ибо естественность и непринужденность ее характера совершенно не требовали какой-либо вычурности или показательной капризности. Вот почему можно говорить о том, что ее решительность и настойчивость на вояж в Одессу в 1812 г. были продиктованы отнюдь не причудой либо упрямством, но, в первую очередь, боязнью за здоровье дочери, с детства страдавшей той же болезнью, от которой ранее умерли в младенчестве две законные дочери Александра. А это уже было делом первостепенной важности и для нее, как для матери, и для императора, как отца.

Дело в том, что наполненная жизнерадостностью и бурными эмоциями поездка на юг в 1811 г. настолько впечатлила семилетнюю Софию, что она в буквальном и переносном смысле бредила обещанным ей на следующий год повторением путешествия в тот край, где все ее недуги отступили перед солнцем и морем, а ее лечащие доктора в своих отчетах императору не могли удержаться от восторженных эпитетов по поводу окрепшего здоровья девочки. Но возвращение в сыякотный и промозглый климат северной столицы спровоцировало рецидив болезни и, как утверждают, эту зиму она пережила только благодаря надежде вновь побывать в «южной сказке», встретиться со всем тем, что она столь трогательно-наивно пыталась отобразить в своих рисунках, предназначенных для своего отца и посылаемых императору с письмами Марии Антоновны из Крыма и Одессы. Мог ли Александр, ссылаясь на угрожающую предвоенную обстановку, лишит свою любимую семилетнюю дочь воплощения ее чаяний и надежд после тяжелой болезни — вопрос чисто риторический.

Тем не менее, намечавшаяся новая поездка Марии Антоновны и Софии в Одессу в 1812 г., на которую император первоначально дал свое согласие, не состоялась. Как и почему это удалось Александру, ответить теперь затруднительно. Возможно, путешествие было просто отложено на более поздний срок, а вспыхнув-

шая в июне война и вовсе сняла вероятность такового. Можно делать и другие предположения, доказуемость которых лежит не столько в фактах, сколько в возможностях воображения, так как вся подлинная переписка Александра I с Нарышкиной была впоследствии уничтожена нерадивыми потомками Марии Антоновны. Нет сомнений, что эти документы могли бы пролить свет не только на рассматриваемый вопрос, но и на множество других, в том числе и высшего политического характера. Ибо при всей своей хитроумности и скрытности в официальной и дипломатической переписке, в письмах к действительно близким ему людям, а их было очень и очень немного, Александр представлялся совершенно другим человеком. Добавим, что впоследствии тонко чувствовавший подобные нюансы замечательный русский историк великий князь Николай Михайлович с горечью сетовал по поводу судьбы утраченного архива М. А. Нарышкиной как о серьезной потере для отечественной исторической науки⁶.

Естественно, что на фоне глобальных событий рассматриваемого времени, до основания потрясших весь европейский континент, личная записка Александра I к герцогу Ришелье вряд ли может претендовать на какую-либо масштабность или исключительную значимость. Но в том-то и все дело, что исследователи, отбрасывающие так называемые «личностные мелочи» во имя отображения лишь глобальных исторических факторов, рискуют превратить подлинную историческую картину в некое подобие шахматной доски, где действующие фигуры более походят на марионеток, чем на живых людей. Ибо реальный исторический процесс всегда намного сложнее и противоречивее, чем самые совершенные научные, а тем более наукообразные схемы, рассыпающиеся под очевидностью каких-либо «мелочей». И примеров этому можно приводить легион. Впрочем, в данном отношении обозначенное выше лаконичное письмо Александра I — не столько подтверждение, сколько иллюстрация к сказанному.

- ¹ См., например: Vandal A. *Napoleon et Alexandre I-er.* — Т. 1–3. — Р., 1891–1896; Надлер В. К. *Император Александр I и идея Священного союза.* — Т. 1–5. — Рига, 1886–1892; Шильдер Н. К. *Император Александр I, его жизнь и царствование.* — Т. 1–4. — СПб., 1904–1905.
- ² *Rochechouart, comte de. Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart. Aide de camp du duc de Richelieu, aide de camp de l'empereur Alexandre I-er, commandant a place de Paris sous Louis XVIII. Mémoires inédits publiés par son fils.* — Paris: Librairie Plon, 1892.
- ³ Подробнее о Рошешуаре см.: Третьяк А. И. *Граф Рошешуар в юной Одессе и Крыму / Третьяк А. И. От основания. Документальные очерки.* — Одесса, 2008. — С. 84–183.
- ⁴ Rochechouart. *Op. cit.* — Р. 167–168.
- ⁵ См. соотв. гл.: «Мария Антоновна Нарышкина». — Третьяк А. И. *Граф...* — С. 148–145.
- ⁶ «У сына Марии Антоновны, Эммануила Дмитриевича Нарышкина, свято хранились все письма и записки императора Александра к его матери. Говорят, будто бы часть переписки была уничтожена Э. Д. Нарышкиным до его кончины, но его вдова, Александра Николаевна, урожденная Чичерина, мне лично передавала, что остальную часть переписки она сожгла. Не смея не верить такому заявлению, мы считаем, если действительно вся эта переписка уничтожена, почти у нас на глазах, сто лет спустя, — такого рода отношение к рукописям вандализмом и неуважением к исторической старине. Если бы потомки или родственники жгли письма самой Марии Антоновны, — это было бы их правом, но так поступать с записками императора Александра Павловича едва ли правильно, а надо было их передать, по кончине Эммануила Дмитриевича, царствующему Государю» — Николай Михайлович, великий князь // *Император Александр I. Опыт исторического исследования.* — Т. 1. — СПб., 1912. — С. 63.